

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИРЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ

Глобализация – сложный и противоречивый феномен, выступающий важнейшим фактором, изменившим все стороны жизни человечества. Именно глобализация обуславливает приход постсовременности. Последняя представляет собой новую историческую и социокультурную эпоху, которая отличается новым – постиндустриальным - типом экономики, политики, социальной сферы. Однако наиболее важные изменения, как представляется, произошли (и продолжают происходить) в сфере культуры. Именно культурные трансформации именуется «ситуацией постмодерна» и определяют содержание постсовременной социальности как таковой.

Изменения культуры постсовременности выражаются в новой картине мира и, собственно говоря, в признании новой роли знаково-дискурсивных практик в воспроизводстве социальности. Картина мира эпохи постмодерна строится как конструируемый, intersubъективный, знаково опосредованный, человекоразмерный, постоянно изменчивый, ситуативный образ. Более того, сам мир превращается в картину мира, так как реальным становится и является только то, что воспринимается как реальное. Поэтому господствующие социальные представления не просто образуют содержание постсовременной картины мира, но формируют содержание самой социальности.

Имманентность риска связана со онтологической стохастичностью, неустойчивостью, контингентностью мира, а также с ограниченностью наших знаний о нем, а потому – с принципиальной непредсказуемостью социальной эволюции. Так как наша жизнь в значительной ее части протекает в юридической форме (трудно назвать какую-либо сферу общества или жизнедеятельности, которая не была бы урегулирована правом), риск имманентен правовой реальности. Одним из проявлений риска как онтологического и гносеологического измерения правовой реальности

выступает *неопределенность права*, включающая несколько аспектов или сторон.

Первым аспектом неопределенности права выступает онтологическая многогранность, стохастичность и гносеологическая контингентность правовой реальности. Право, как и любое социальное явление, не дано нам как некая вещь или стабильный процесс, как некая объективно существующая данность. Бытие права интерсубъективно и конструируемо социальными представлениями. Отсюда следует отсутствие одной «единственно верной» точки зрения на право. Неизбежная множественность социальных представлений о праве порождает исторический и социокультурный контекстуализм, релятивизм, и тем самым постулирует неопределенность права (конечно, не абсолютную, но относительную). Одновременно онтологическая неопределённость права связана с противоречием между перманентной изменчивостью социальной жизни и стремлением к ее формализации. Законодательное закрепление общественных отношений предполагает хотя бы относительную их устойчивость, а тем самым - стабильность нормативного материала (что и выражает значение слова «определенность»). Однако современный мир как раз такой устойчивостью и не обладает. Более того, социальные изменения в современном информационном, глобализирующемся мире протекают с гораздо большей быстротой, нежели в недавнем прошлом.

Второй момент неопределенности права состоит в ограниченности возможностей его формализации. Такая ограниченность вытекает из принципа невозможности полной формализации любой аксиоматической системы (множества) или из ограничительных теорем К. Геделя. Стремление формализовать право витало в умах просветителей в «золотой век» кодификации законодательства. Одним из мифов современного юридического мышления («мифом позитивного права», по терминологии Н. Рулана) является вера в полноту и непротиворечивость законодательства (форм нормативности права).

Невозможность полной и непротиворечивой кодификации законодательства связана с тем, что не существует формальных систем, которые были бы одновременно полными (завершенными) и непротиворечивыми. Этот постулат первой ограничительной теоремы К. Геделя нельзя не принимать во внимание при анализе возможностей конструирования законодательства¹.

Проблема формализации законодательства состоит также в том, что любое определение (а нормативный материал не может обходиться без дефиниции) также не может быть полным и исчерпывающим: оно неизбежно приводит либо к регрессии в бесконечность, либо к тавтологии. Уже И. Бентам признал, что общий (классический) метод определения юридических терминов несостоятелен. «Среди подобных абстрактных терминов мы вскоре приходим к таким, для которых отсутствует более общая родовая категория. Определение *per genus et differentiam* в случае его применения к указанным терминам не может обеспечить никакого продвижения вперед ... Его также недостаточно для того, чтобы определить предлог или союз ... "через" – это ... "потому что" – это ... и так далее»².

Следующая проблема определенности как формализуемости законодательства связана с отсутствием логической выводимости (как дедуктивной, так и индуктивной) одних элементов из других³. Так, из одного принципа права делаются разные, значительно отличающиеся выводы законодательного плана. Например, из принципа разделения властей следует четыре разных формы правления – организации высших органов

---

¹ Первая теорема Геделя о неполноте показала, - пишет Я. Хинтиikka, - что «любая аксиоматизация элементарной арифметики неполна, так как в ней всегда найдется такое предложение G, что ни его утверждение, ни его отрицание не будут доказуемы в рамках данной системы аксиом». – Хинтиikka Я. О Геделе. М., 2014. С. 60. То, что «Геделевская теорема о полноте обычной первопорядковой логики не может быть распространена на ... более сильные логики», не отменяет общего вывода: «Этот результат вполне заслуженно считается одним из наиболее важных и вызывающих открытий в науке XX века, сравнимых с теорией относительности Эйнштейна и принципом неопределенности Гейзенберга». – Там же. С. 67, 11.

² Bentham A. Fragment on Government. Ch. V. Note 6. – Цит. по: Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта: монография. Самара, 2014. С. 382-383.

³ Системный подход постулирует зависимость элементов от системы, но отрицает их логическую выводимость: из гештальта невозможно вывести «фактические детали его составных частей. Они не даны без гештальта, но логически не следуют из него. Они должны устанавливаться». – Агасси Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017. С. 630.

государственной власти, основанной на данном принципе (президентская республика, парламентская, смешанная и конституционная монархия). Из принципа независимости суда вытекает несколько вариантов организации судостройства. Одновременно невозможно обосновать логическую однозначность связи принципа права с его законодательной конкретизацией и практическим воплощением на уровне правоприменения (реализации права). То же самое касается «сводимости» прав человека к конкретной системе его реализации: право на образование ли медицинское обслуживание может быть реализовано в разных вариантах. Более того, между принципами права всегда существует конкуренция, которая не имеет универсальных рациональных оснований разрешения: невозможно разрешить все случаи коллизии права наций на самоопределение и территориальной целостности государства; права на информацию или свободу передвижения и безопасность и т.д.

Еще одной проблемой неопределенности права, понимаемого как многогранное явление, в обязательном порядке включающее воспроизводимость правил поведения в юридически значимых практиках, является неформализуемость человеческого поведения. Право в действии (реализация права) существует через «прочтение» знака (формы внешнего проявления права) и стимулируют (а через механизм интериоризации и мотивируют) поведение человека. Другими словами, формальная определенность права существует только вместе с ее интерпретацией людьми и образует текстуальность в постструктуралистском смысле. Одновременно приходится констатировать, что нет исчерпывающе полного механизма реализации норм права в связи с проблемой «следования правилу». Действие права – это всегда практики людей, «нагруженные» мотивацией. А мотивация всегда является принципиально вероятностной и не может быть калькулируема внешним наблюдателем. Право реализуется через толкование, а интерпретация права включает личностное измерение права, которое противится любой формализации.

Вышеизложенное дает основания для заключения, сделанного в свое время Г. Хартом: «Какой бы механизм, прецедент или законодательство ни выбрать для сообщения образцов поведения, они, как бы гладко ни работали среди огромной массы обычных случаев, окажутся в некоторый момент, когда их применение будет под вопросом, неопределенными: они будут обладать тем, что терминологически выражается как *открытая структура*»⁴.

Таким образом, в связи с вышесказанным возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодернити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе, юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя») может быть оценено как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими может быть признана как вторжение во внутренние дела государства, то есть, попрание государственного суверенитета и т.п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможность описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом.

Вышеизложенное дает основание констатировать, что принцип формальной определенности права в постсовременном глобально нестабильном мире— это идеал, который в современных условиях недостижим. Это не означает признания необходимости отказа от этого краеугольного положения. Скорее, все вышеизложенное свидетельствует о

---

⁴ Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007. С. 130. Р. Алекси называет это «зоной неопределенности позитивного права»: «Таким образом, можно говорить о "зоне неопределенности" позитивного права, которая в той или иной степени присутствует в каждой правовой системе. Случай юридической практики, попадающий в зону неопределенности позитивного права, можно назвать «сложным случаем или сложным судебным делом»». – Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011, С. 87.

необходимости более пристального внимания научного сообщества к данной проблеме.